

лод, опалу, верно служить своему Отечеству, предпринимать труднейшее путешествие на небольшом суденышке, учитывая мощь Северного Ледовитого океана, с верой в успех и без надежды вернуться живым. И все-таки упорство первопроходцев увенчалось успехом»<sup>13</sup>.

По возвращении на Камчатку Дмитрий Леонтьевич был «всемиловейше пожалован»: ему был возвращен чин лейтенанта, все гражданские права и состояние. В 1742 г. он вышел в отставку по состоянию здоровья. Однако два года спустя вновь возвратился на службу в чине капитана II ранга. С 1744 Дмитрий Леонтьевич служил на Балтийском флоте командиром судна «Транспорт Анна», пакетбота «Св. Меркурий», пинка «Лапоминка», линкора «Гаврилия», фрегата «Полтава». В 1756 г. Овцын — обер-штер-кригс-комиссар (главный интендант) Балтийского флота. В годы Семилетней войны он командовал линейным кораблем «Москва», участвовал в морской блокаде крепости Кольберг. В 1757 г. Дмитрий Леонтьевич тяжело заболел: сказались лишения во время полярных экспедиций. 5 августа его поместили на госпитальное судно «Москва», где спустя несколько дней он скончался. Место его захоронения не выявлено. Вероятно, по морскому обычаю тело Д. Л. Овцына было опущено в море<sup>14</sup>.

По мнению современных ученых-географов, Д. Л. Овцын был не только искусным моряком и гидрографом. Он обладал широким кругозором и лучше других понимал государственное значение экспедиции. В настоящее время в честь первооткрывателя-гидрографа первое головное судно полярной гидрографии названо «Дмитрий Овцын». Оно несет вахту в Северном Ледовитом океане. На морских картах именем Д. Л. Овцына названы мыс полуострова Таймыр и пролив между островами Олений и Сибириякова; пролив Овцына в Карском море и Енисейском заливе (назван Андреем Вилькицим в честь Дмитрия Леонтьевича в 1894–1896 гг.). В Антарктиде горы Принц-Чарльз после обследования их советской арктической экспедицией в 1972–1973 гг. названы именем Овцына<sup>15</sup>.

**Из архива  
Великой Северной  
экспедиции  
1734–1740 гг.**

☞  
торе об оном невозможно для того что еще во оное время в Сибирской губернии в Тобольску (...) не было а более о том известие имеетца в Сибирской губернской канцелярии. А что в Тобольску как на верхнем так и в нижнем посаде имеетца дворов и в них мужеска полу душ имеетца и об оном дворовом числе в Сибирскую губернскую канцелярию под запросную писанную ведомость подать...

<sup>13</sup> Григоров А. А. Указ. соч. С. 279.

<sup>14</sup> Григоров А. А., Ильин В. А. Русский мореплаватель — Дмитрий Леонтьевич Овцын: Рукопись.

<sup>15</sup> Там же.

**Г. И. Иванцова, К. В. Викторов**

## ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ АЛЕУТСКИХ ОСТРОВОВ

**В**торая половина XVIII в. — период становления в России «предпринимателя средней руки». Итоги Великой северной экспедиции открывали для государства и активных деловых людей новые экономические перспективы. Необходимо было закрепить за Россией открытые земли, определить и освоить их природно-сырьевые ресурсы, урегулировать сбор ясака. Купцов и промышленных людей потянуло в неизведанную даль. На кораблях, по-



### ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

33. бояр. **Шереметев Петр Большой Васильевич** (1676–1678), **Шереметев Большой Петр Васильевич** (?–1709), боярин (1656), тобольский воевода (1676–78). Из старого московского боярского рода. Находился при государевом дворе с к. 1630-х. В боярском списке 1639/40 упоминается как стольник. Участвовал в войнах против поляков (1654–55) и шведов (1656). В дек. 1656 пожалован в бояре. Выполнил дипломатические поручения, в качестве великого и полномочного посла вел переговоры со Швецией и Польшей (1658, 1660). В дальнейшем — воевода по городам. В 1662–65 — в Севске. Во главе Севского полка воевал с поляками на Украине и в Белоруссии. В 1665–69 и 1681 — в Киеве, где прославился бескорыстием, отказываясь от подношений. В 1670 — в Казани, в 1671 — в Симбирске. Принимал участие в подавлении восстания Степана Разина.



строенных и снаряженных на собственные деньги, они отправлялись на свой страх и риск в опасное плавание по «Восточному Тихому морю к неведомым островам и землям» ради промысла пушного зверя и «приведения под высокомонаршую руку незнаемых народов». Именно эти люди первыми открыли большую часть Алеутских островов, первыми высадились на них, составили их первые карты и описания природы и жителей, и мы должны помнить их дела во славу Отечества. Успех сопутствовал тем из них, кто имел твердый характер, умел рисковать, кто смог примирить «свой интерес» с целями и интересами казны.

Алеутские острова (некоторые из них были впервые обнаружены в 1741 г. А. Чириковым и В. Берингом) осваивались русскими промышленниками в период с 1743 г. по 1780 год. Первыми предприняли конкретные шаги к получению Россией этого нового источника богатств сержант команды Охотского порта, сын крестьянина деревни Ярковой Тобольского уезда Емельян Софронович Басов и московский купец Афанасий Серебренников. Их шитик «Св. Петр», взяв на борт в качестве проводников участников Второй Камчатской экспедиции Петра Верховурова и Луку Наседкина, в августе 1743 г. отправился к острову Беринга. В 1744 г. промышленники возвратились на Камчатку с богатой добычей: 1200 шкурок каланов (морских выдр) и 4000 шкурок песка.

Успех Басова и Серебренникова стимулировал деловую активность русских купцов и промышленников. В течение 40-х гг. на Камчатке было основано несколько промысловых компаний, основной задачей которых была добыча калана, высоко ценившегося на китайском рынке. В 1745 г. Емельян Басов, уже как компаньон иркутского купца Никифора Трапезникова, вновь промышляет зверя у острова Беринга.

В том же 1745 г. промысел в районе Ближних, самых западных Алеутских островов — Атту, Агатту и Семичи, вела команда Михаила Васильевича Неводчикова на судне «Св. Евдоким», принадлежавшем компании А. Чебаевского и Н. Трапезникова. На борту корабля, кроме артели, возглавляемой Яковом Чупровым, находился официальный сопровождающий — казак Сила Шевырин, который должен был следить за соблюдением переданной руководителям экспедиции государственной инструкции, переводить с местных языков, а также приводить в подданство «незнаемые народы, коли такие обыщутся» на вновь открытых островах, и собирать с них ясак.

38-летний Неводчиков, подштурман родом из тобольских купцов<sup>1</sup>, был моряком знающим. В 1740–42 гг. работал геодезистом во Второй Камчатской экспедиции Беринга–Чирикова. В 1743 г., совершив трудное плавание на дубель-шлюпе «Большевецк», описал часть западного берега Камчатки, ходил в поход «до японского берега»<sup>2</sup>. И сейчас, достигнув «внезапным случаем» Ближних островов, удачу свою оценил высоко. «Открыл три острова, — говорилось в «скаске» Большевецкой канцелярии, написанной позднее со слов Неводчикова, — на которых имеется незнаемой народ, неясашные люди...»

<sup>1</sup>Зубкова З. Н. Алеутские острова. М., 1948. С. 16.

<sup>2</sup>См.: Эвальд Б. Каталог атласов и карт, хранящихся в Депо морских карт и книг Главного Гидрографического Управления Морского министерства. Пг., 1917. С. 122.





В составе экспедиции было только сорок пять человек<sup>3</sup>, в большинстве набранных наскоро на Камчатке — буйных, полуголодных, не знающих, как обращаться с оружием, не подчиненных никакому порядку. Кроме встречи с первобытным, незнакомым им народом, который полагалось покорить и привести в российское подданство, они сразу же столкнулись с еще одной почти неразрешимой задачей: найти себе пропитание. Когда утром 25 сентября 1745 г. промышленники увидели на берегу острова Агатту людей, они сели в лодку и поплыли к ним навстречу. Однако попытка заговорить с аборигенами на известных толмачу наречиях не увенчалась успехом — те ничего не поняли. Бросив на берег привезенные подарки и получив взамен подарки от алеутов, люди Наводчикова вернулись на корабль, так и не отважившись высадиться.

Вторая встреча с островитянами на следующее утро была еще менее удачной: после обмена подарками алеуты попросили ружье у передовщика промысловой артели Якова Чупрова, тот его не отдал, приказав артельщикам отойти и сесть в лодку. Аборигены пытались помешать отступлению: хватались за причальный канат, кололи борта лодки копьями с костяными наконечниками. Чупров не выдержал и выстрелил, ранив одного из алеутов.

Совет артели, обсудив сложившуюся ситуацию, принял решение идти на веслах к острову Атту и остаться там на зимовку и промысел. После высадки отряда на берег Чупров приказал схватить и взять на корабль «для языку» одного «иноземца». Алеуты, как могли, оборонялись своими «костяными спицами», но «язык» был все же захвачен. Это был мальчик Темнак, которого Неводчиков взял под свою защиту и опеку, учил русскому языку. После возвращения в 1747 г. экспедиции на Камчатку Темнак был крещен в православную веру под именем Павла. Именно от него были получены первые сведения о вновь открытых островах, об их местных названиях и жителях, которых именно после этой экспедиции стали называть алеутами, а острова Атту, Агату и Семичи — Ближними Алеутскими.

В дальнейшем связи промышленников с местным населением складывались тяжело: попытки наладить мирные контакты сменялись взаимной враждебностью. Неприязнь Чупрова к алеутам росла, что в итоге привело к кровавой трагедии. Она ра-

**Обитатели  
Алеутских  
островов**  
Литография  
Конец 1820-х гг.

<sup>3</sup>Берг Л. С. Из истории открытия Алеутских островов // Землеведение. XXVI. Вып. 1–2. 1924. С. 117.



зыгралась, когда Чупров отправил отряд во главе с архангелогородским крестьянином Ларионом Беляевым на промысел вглубь острова. Беляев даже не пытался войти в контакт с аборигенами, а приказывал убивать их. Придя в одно из селений и перебив всех мужчин, часть женщин и детей, русские захватили их жилища, обратив молодых женщин в своих наложниц<sup>4</sup>.

Все это было страшно, но объяснимо. Открытие и освоение новых земель в северной части Тихого океана притягивало пестрый человеческий материал: от людей, одушевленных идеей «приискания неведомой земли» ради славы Отечества, до авантюристов, стремившихся разбогатеть любой ценой, и обычных уголовников. Если первые стремились дружелюбием и уважением к местным обычаям сделать аборигенов своими союзниками, старались действовать «лаской и уговорами», то вторые, видя в них дикарей, не стеснялись в средствах и ради корысти шли на любые преступления, в т. ч. преступления государственные. А содеянное отрядом Беляева было именно антигосударственным актом, а не банальной уголовщиной. Его действия в корне противоречили позиции российского правительства, сформулированной еще в указе императрицы Анны Иоанновны от 20 сентября 1733 года. Все поступки М. В. Неводчикова во время плавания на «Св. Евдокиме» в 1745–1747 гг. дают основания без колебания отнести его к первой из названных категорий людей, к тем верным сынам Отечества, благодаря силе, отваге, упорству, уму и жертвенности которых были открыты, исследованы и присоединены к России северные тихоокеанские острова и Аляска.

<sup>4</sup> Берг Л. С. Указ. соч. С. 117; Он же. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725–1742. М.; Л., 1946. С. 286–287; Зубкова З. Н. Указ. соч. С. 17.

Михаил Васильевич не побоялся открыто выступить против жестокости Чупрова, остановил злодеяния Беляева. Вокруг него объединились и остались верны ему те артельщики, которые также осуждали своего передовщика, что, видимо, спасло Неводчикову жизнь. Из показаний участников экспедиции, полученных после нее по возвращении в Россию, известно, что Чупров, опасаясь суда за убийства аборигенов, подговаривал их не идти на Камчатку, а Неводчикову грозил, что в случае неповиновения выбросит его за борт. Страх Чупрова и других виновников трагедии на острове Атту оказался небеспочвенным. Все они были привлечены к следствию по делу о жестоком обращении с местными жителями. Л. Беляев и его «товарищи», творившие бесчинства на островах, были осуждены в 1755 году.

#### Обитатели острова Ситка



Плавание на судне «Св. Евдоким» едва не закончилось для его участников трагически. В сентябре 1746 г., когда после удачного промысла артельщики отправились на поиски новых земель, их настиг шторм, корабль как щепку носило по бушующему океану две недели, а потом разбило о камни острова Карагинского близ Камчатки. Экспедиция потеряла почти всю добычу, все имущество. Люди были



на грани смерти от голода. С трудом добрались они до юрт местных жителей, уже принявших российское подданство, и, перезимовав, на двух байдарках, полученных в дар от коряков за помощь при отражении нападения на них олюторцев, 21 июля 1747 г. добрались до Нижнекамчатского острога. Из плавания не вернулись 12 человек. Позднее Неводчиков составил карту Ближних Алеутских островов, на которых побывали он и его товарищи. 4 мая 1751 г. карта была выслана в Сенат. Координаты островов были даны мореходом довольно точно, если учесть, что в его распоряжении вряд ли были какие-то инструменты, кроме компаса и песочных часов<sup>5</sup>. Тем временем эпопея открытия и освоения островов была продолжена. В 1747 г. образуются уже четыре промысловые компании, которые до 1749 г. вели промысел на островах Беринга и Медный, а в 1750 г. отправили свои суда к Командорским и Ближним Алеутским островам. В 1751 г. боту «Авраам» под командой А. Дружинина удалось достигнуть Крысьих островов Алеутского архипелага, а в 1753 г. архангельский купец П. Башмаков на шитике «Св. Иеремия» обнаружил восемь новых островов восточнее Ближних. Это было первое проникновение русских мореходов в район Андреяновских островов Алеутской гряды.

Сибирская администрация стремилась контролировать организацию промысла на островах Тихого океана. Казна получала десятую часть от всей добытой русскими промышленниками пушнины, поручала им сбор ясака с аборигенного населения. С 1753 года правительство стало поощрять предприимчивых купцов к новым открытиям, развитию торговли и приведению независимых ранее народов в российское подданство. Наиболее удачливые промышленники получали от государства различные льготы и награждались золотыми медалями. Для поддержания промысловой деятельности казна выдавала купцам денежные ссуды для строительства и оснащения судов, помогала в приобретении пороха и других необходимых материалов.

Со второй половины 1750-х гг. Ближние Алеутские острова окончательно становятся основным районом промыслов, а Командорские превращаются в перевалочный пункт для экспедиций на восток. В 1756 г. П. Башмаков на судне «Св. Петр и Павел» первым после Беринга побывал в центральной части Алеутского архипелага и открыл ряд новых островов из группы Андреяновских. С 1757 по 1759 на острове Атту оставалось промысловое судно «Св. Андреян и Наталья» во главе с А. Толстых, который, в отличие от Я. Чупрова, сумел наладить с алеутами самые дружественные отношения.

В 1758 г. к Алеутским островам свои суда послали четыре промысловые компании. В 1758 г. корабль «Св. Капитон», принадлежавший одной из них — компании купца И. Жилкина, достиг под руководством Степана Кожевникова острова Кыска из группы Крысьих<sup>6</sup>. Но наиболее значительную роль в переходе к интенсивному научному изучению и правительственному освоению Алеутского архипелага сыграла все же другая промысловая экспедиция.



Д. И. Чичерин

<sup>5</sup> Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М., 1989. С. 345.

<sup>6</sup> См.: Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975. С. 38–56.



### ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ



Летом 1671 отразил нападение на город казачьего отряда Федора Шелудяка, а затем разбил его. В 1673–75 — в Великом Новгороде, в 1675 — в Путивле. С апр. 1676 — воевода в Тобольске. Отстроил город после пожара 1677. Преследовал старообрядцев. В 1677 послал отряд рейтар и казаков в старообрядческую пустынь на р. Березовка в Тобольском у., чтобы «разогнать» собравшихся там раскольников. Однако к моменту прибытия отряда старообрядцы во главе с монахом Даниилом совершили массовое самосожжение. В 1679–81 воевал на Украине, руководил сооружением Изюмской засечной черты. Во время стрелецкого бунта 1682 призывал восставших «утихомириться», за



Алеутский костюм

В феврале 1757 г. в Нижнекамчатске была образована новая купеческая компания. В нее вошли Илья Снигирев из Тобольска, Иван Буренин из Вологды, Андрей Титов, Г. и П. Пановы из Тотьмы, Никифор Трапезников из Иркутска, Семен Шергин, Семен Красильников и Афанасий Орехов из Тулы, Егор Сабинин из Москвы, лальский купец Афанасий Чебаевский и др. Купцы купили судно, наняли артель промышленников и отправили их на тихоокеанские острова охотиться за морскими бобрами. Как штурмана на бот «Св. Иулиан» они пригласили яренского посадского человека, опытного передовщика промысловиков и морехода Степана Гавриловича Глотова, а в качестве команды — его промысловую артель.

Когда артель отправлялась в плавание, в нее был включен казак Савин Пономарев. При регистрации в Большерецкой канцелярии ему были даны полномочия представителя государственной власти: книга «за шнуром и за казенной печатью» для сбора ясака с жителей островов при обязательной выдаче квитанций. 2 сентября 1758 г. из устья реки Камчатки бот вышел в «морской вояж». На девятые сутки плавания осенняя штормовая непогода пригнала судно к одному из Командорских островов — Медному, где смелые мореплаватели были вынуждены зазимовать. Во время зимовки они занялись промыслом: добыли «упромышлено... бобров, маток и кошлаков 83 да песцов 1263, кои все во одежды и одеялы были испошиты».

1 августа 1759 г. промышленники вновь вышли в море и через месяц прибыли на остров Умнак, затем на остров Уналакша. На этих открытых ими Дальних Алеутских островах, названных Лисьими, Степан Глов и его артельщики пробыли два года и девять месяцев. С населения островов собрали ясак. 31 августа 1762 г. вернулись на Камчатку. Из 42 человек трое погибли.

12 сентября 1761 г. Глов и Пономарев прибыли в Большерецкую канцелярию, где их сообщения о плавании и о вновь открытых островах были выслушаны с большим интересом. Артельщиков переспрашивали по нескольку раз, т. к. никаких сведений об этих островах у сибирских властей не было. Требовалось выяснить, действительно ли это новые острова, новое географическое открытие. Государевы люди с помощью мореплавателей решили составить особый рапорт, два реестра. Артельщик бота П. Шишкин представил карту островов, а С. Пономарев предъявил ту самую «ясашную книгу».

В Большерецке, тогдашней столице Камчатки, в этот момент оказались главные компанейщики, нанимавшие артельщиков — купцы Илья Снигирев, Иван Буренин и Семен Шергин. Они и повезли все названные документы в губернский город Тобольск. В начале 1764 г. купцы представили их сибирскому губернатору Денису Ивановичу Чичерину, который проявлял большой интерес к исследованиям северо-востока Азии и Тихого океана. Чичерин лично встретился с купцами, расспросил их. На основе документов и устных рассказов купцов Снигирева и Буренина



губернатор составил особую реляцию на имя Екатерины II. В ней Чичерин характеризовал участников плавания как самых простых и неученых людей, подчеркнув, что в Тобольске «бывших на тех островах никого нет», а от купцов «больше уведать не можно». Чичерин уведомлял императрицу, что он издал распоряжение о выполнении описания вновь открытых русскими промысловиками островов Алеутской гряды моряками Охотского порта. Одновременно он сообщил сведения о составе купеческой компании, финансировавшей плавание, о количестве пушнины, добытой артелью Глотова. Вся эта информация представлялась в Петербург, чтобы купцы могли сами свидетельствовать об открытии и получить награды и льготы, вернув казне аванс, полученный из Большерецкой канцелярии<sup>7</sup>.

11 февраля 1764 г. драгун фон Фирстенберх повез реляцию с картой П. Шишкина, реестры островов и рапорт в Санкт-Петербург. На пакете с документами рукой Чичерина была сделана надпись: «Везти денно и ношно со всяким поспешением нигде не удерживав». Вместе с курьером уехали и купцы — «компанейщики»<sup>8</sup>. В марте реляция Д. И. Чичерина со всеми приложениями поступила в кабинет Екатерины II, готовивший доклады для императрицы, а затем оказалась на рабочем столе М. В. Ломоносова. Делами кабинета ведал граф И. Чернышев, который, видимо, и привлек ученого к рассмотрению этих документов. Михаил Васильевич внимательно изучил все бумаги, встретился с купцами Снигиревым и Бурениным, расспросил об обстоятельствах плавания С. Глотова. Прежде всего его заинтересовало местонахождение острова Умнак. Намеченное сибирским губернатором описание вновь открытых островов силами моряков Охотского порта показалось ученому мерой недостаточной. В итоге М. В. Ломоносов составил записку «Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников и по вопросу компанейщиков тобольского купца Ильи Снигирева и вологодского купца Ивана Буренина». По сути своей это был проект создания особой экспедиции по изучению гряды Алеутских островов. Записка легла в основу доклада кабинета Екатерине II. Основной задачей экспедиции была не только опись открытых островов, но и формальное и фактическое их закрепление за Россией, приведение алеутов в российское подданство, урегулирование сбора ясака и контроль в интересах казны за действиями промышленников.

Екатерина II высоко оценила представленный на ее рассмотрение доклад и 4 мая 1764 г. подписала указ, который обязывал Адмиралтейств-коллегию срочно организовать экспедицию, не считаясь ни с какими затратами. Предлагалось немедленно отправить из Петербурга «сколько надобно офицеров и штурманов», которые должны были провести исследование и опись Алеутских островов (особенно дальних), привести «американцев» (т. е. алеутов) в российское подданство и организовать сбор ясака. Экспедиция должна была закрепить за Россией вновь



М. В. Ломоносов

#### ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

↳ что был награжден царевной Софьей чином оружничего. В правление Софьи недолгое время исполнял обязанности курского воеводы (1683), руководил крупными приказами: Оружейным (1682–90), Московским Судным (1683–84 и 1687–89), Золотой палатой (1682–85 и 1686–87) и Серебряной палатой (1682–88). Не раз вступал в местные споры с Трубецкими, Плещеевыми, Бутурлиными. Несмотря на поддержку прав-ва Софьи, сохранил свое положение при Петре I. В 1689–97 — судья Поместного приказа. Входил в состав одного из «кумпанств»,



<sup>7</sup> См. Перевалов В. Ломоносов и Арктика. Из истории географической науки и географических открытий. М.; Л., 1949. С. 25–54.

<sup>8</sup> Там же. С. 272–273; 280, 282, 288.



### ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ



учрежденных царем для стр-ва флота. С сер. XVII в. был известен в московском об-ве своей приверженностью европейским обычаям; брил бороду, носил «немецкое» платье. В 1680-х решительно выступил против планов упразднить Киево-Могилянскую коллегию (с 1701 — Академия). Дружил с шотландским военным инженером на рус. службе генерал-лейтенантом П. И. Гордоном. Сохранился отзыв о Ш. как «человеке с большими способностями, но самохвале, чрезвычайно жадном к военной славе, невыносимо гордом и высокомерном». Лит.: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 311; Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1990. Кн. VI. Т. 12. С. 596, Кн. VII. Т. 13. С. 60–61; Власть в Сибири XVI – нач. XX в. Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 177–178.

**В. В. Коновалов**

открытые русскими промышленниками земли и упрочить стратегические позиции империи на Аляске и в северной части Тихого океана. Ввиду возможного соперничества со стороны других великих держав, грозившего России утратой вновь открытых островов, в указе особо подчеркивалось, что «должно производить оное предприятие секретным образом». В целях сохранения секретности было решено называть эту экспедицию «Комиссией, посланной для описи лесов по рекам Каме и Белой». В столице предлагалось назначить только руководящий состав экспедиции, а ее рядовых участников предстояло набрать в различных городах Сибири и Дальнего Востока.

Организация экспедиции в Санкт-Петербурге была возложена на известного гидрографа, адмирала Александра Ивановича Нагаева. А. И. Нагаев разработал секретную инструкцию для экспедиции, подобрал необходимые карты, предложил удобные маршруты следования к месту назначения и стоянки. Он также представил на утверждение Адмиралтейств-коллегии список офицеров, в основном из числа своих бывших учеников.

Коллегия, рассмотрев предложенный адмиралом Нагаевым список, постановила назначить командующим экспедицией капитан-лейтенанта Петра Кузьмича Креницына, а его помощником — лейтенанта Михаила Дмитриевича Левашова<sup>9</sup>. Креницыну было 36 лет, из которых 20 он служил на флоте, плавал под началом Нагаева, братьев Дмитрия и Харитона Лаптевых, имел боевой опыт. Левашов на нескольких кораблях служил вместе с Креницыным, также имел боевой опыт. Отличился в ходе Семилетней войны, участвуя в Кольбергской операции. При общем высоком профессиональном уровне российских морских офицеров выделялся своими познаниями в различных областях наук, был отменным картографом и рисовальщиком.

1 июля 1764 г. шестнадцать офицеров экспедиции тремя партиями на подводках покинули Петербург. Им предстояло пройти сухопутным путем в Тверь, оттуда на баржах по Волге до Казани, затем по суше через Екатеринбург, Тюмень и Тобольск. В сибирском стольном граде было решено подобрать часть рядового состава и подготовить экспедицию основательно, поэтому Петр Кузьмич выехал из Тобольска только весной 1765 года.

Загодя в Охотск из Санкт-Петербурга была отправлена секретная депеша с указанием начать постройку необходимых для плавания судов. Поэтому, когда в конце октября 1765 г. экспедиция прибыла в Охотск, там уже строились два корабля — бригантина и гукор. Офицеры и матросы экспедиции во главе с Креницыным приняли самое деятельное участие в их достройке. П. Креницын и М. Левашов встретились с первооткрывателями островов Алеутской гряды — С. Готовым и другими артельщиками. Весной 1766 г. суда были спущены на воду. Начальник экспедиции добавил в ее состав еще два корабля из флотилии Охотского порта — бот и галиот, окончательно укомплектовал экипажи кораблей, и экспедиция отправилась из Охотска на Камчатку.

<sup>9</sup> Там же. С. 344, 347, 435–450.



На восьмой день плавания начался жестокий шторм, который едва не сорвал всю экспедицию. Бригантину выбросило на мель у берегов Камчатки и разбило о береговые камни. Команде удалось перебраться на берег и спасти казну и секретные документы. Людских потерь удалось избежать. У гукора был сломан руль и оторван якорь. Но команда благополучно сошла на берег и смогла надежно закрепить неуправляемый корабль. Бот успел укрыться в устье реки Большой, а судьба галиота сложилась трагически. Шторм изорвал на судне все паруса и поломал мачты, были потеряны все якоря. Потерявшее управление судно целых три месяца носило по волнам, пока оно не разбилось о береговые утесы одного из Курильских островов. Из сорока одного члена экипажа галиота погибло двадцать семь человек.



Остров Медный

В этих критических условиях Креницын решил продолжать экспедицию и приказал немедленно приступить к ремонту уцелевших кораблей. Одно судно — галиот «Св. Екатерина» — пришлось взять из состава камчатской флотилии.

Пока шел ремонт судов, производились заготовка и закупка продовольствия, изготавливались новые якоря, Креницын много ездил по Камчатке и общался с людьми, которые уже бывали на Алеутском архипелаге. Ему удалось много узнать об островах, местных течениях и условиях плавания в Тихом океане в разные сезоны. К подготовке экспедиции, а также к участию в ней Креницыну удалось привлечь некоторых из первооткрывателей Алеутских островов — М. Неводчикова, С. Глотова и С. Пономарева. 20 июля 1768 г. корабли экспедиции вышли из устья реки Камчатка. Галиотом «Св. Екатерина» командовал Креницын, а гукором «Св. Павел» — Левашев. 10 августа корабли попали в густой туман и разлучились.

14 августа «Св. Екатерина» наконец-то достигла Алеутских островов и начала их исследование, а через несколько дней галиот вошел в пролив между островами Умнак и Уналашка. «Св. Павел» тем временем тоже подошел к островам. Но, в отличие от Креницына, Левашев стал двигаться вдоль них с северной стороны. Он уже успел нанести на карту пятнадцать островов, когда, подойдя к острову Уналашка, увидел «Св. Екатерину». Описав острова Умнак и Уналашка, экспедиция двинулась дальше и вскоре открыла самый дальний и самый крупный остров архипелага — Унимак.

Когда корабли обогнули Умнак с юга, моряки увидели землю, которую промышленники, бывшие в составе экспедиции, опознали как считавшуюся тогда островом Аляску. Вскоре корабли

#### ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

34. ст. **Квашнин Михаил Милентьевич** (март–май 1678).

35. бояр. **Шереметев Петр Молодой Васильевич** (1678–1680), **Шереметев Большой Петр Васильевич** (?–1709), боярин (1656), тобольский воевода (1676–78). Из старого московского боярского рода. Находился при государевом дворе с к. 1630-х. В боярском списке 1639/40 упоминается как стольник. Участвовал в войнах против поляков (1654–55) и шведов (1656). В дек. 1656 пожалован в бояре. Выполнял дипломатические поручения, в качестве великого и полномочного посла вел переговоры со Швецией и Польшей (1658, 1660). В дальнейшем — воевода по городам. В 1662–65 — в Севске. Во главе Севского





### ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

☞ полка воевал с поляками на Украине и в Белоруссии. В 1665-69 и 1681 — в Киеве, где прославился бескорыстием, отказываясь от подношений. В 1670 — в Казани, в 1671 — в Симбирске. Принимал участие в подавлении восстания Степана Разина. Летом 1671 отразил нападение на город казачьего отряда Федора Шелудяка, а затем разбил его. В 1673-75 — в Великом Новгороде, в 1675 — в Путивле. С апр. 1676 — воевода в Тобольске. Отстроил город после пожара 1677. Преследовал старообрядцев. В 1677 послал отряд рейтар и казаков в старообрядческую пустынь на р. Березовка в Тобольском у., чтобы «разогнать» собравшихся там раскольников. Однако к моменту прибытия отряда старообрядцы во главе с монахом



<sup>10</sup> См.: История Русской Америки. 1732-1867: В 3 т. Т. 1: Основание Русской Америки. 1732-1799. М., 1997; Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982; Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

<sup>11</sup> Перевалов В. Указ. соч. С. 437.

вошли в узкий Исаноцкий пролив, отделявший Унимак от Аляски, и стали на якорь. Не найдя здесь удобного для зимовки места, Креницын решил идти зимовать в районе островов Умнак и Уналашка. Во время перехода к островам корабли в тумане снова потеряли друг друга, теперь уже до лета следующего года.

Зимовали Левашов и Креницын порознь, и зимовка у них прошла по-разному. Левашов выбрал для нее удобную бухту на Уналашке, одну из лучших на Алеутских островах. Часть команды оставалась на судне, часть жила в юрте на берегу. За зиму от цинги умерло трое моряков, двое пропали без вести. Нелегкой была зимовка и у Креницына, расположившегося на Унимаке: пришлось вытаскивать судно на берег, строить юрты, постоянно обороняться от враждебно настроенных алеутов. От цинги умерло за зиму шестьдесят человек, в т. ч. и один из алеутских первооткрывателей Степан Глотов.

Следующую зиму оба судна провели в Нижнекамчатске, и там было, пожалуй, еще голоднее, чем на островах: летом не удалось запастись достаточно рыбы, потому что эпидемия оспы на полуострове унесла жизни 6 тыс. человек, в т. ч. большинства камчатских рыбаков. Левашов использовал зиму для составления отчета, им составлена карта всех островов; а вот с Креницыным случилось несчастье — он утонул в реке, когда лодка, в которой он плыл, перевернулась. Из-за его гибели исследования были прекращены. Левашов вернулся в октябре 1771 г. в Петербург<sup>10</sup>.

Несмотря на потерю трех судов и почти половины людей, экспедиция была признана успешной. И в самом деле, результаты ее грандиозны: несмотря на исключительно неблагоприятные условия работы, была положена на карту, хотя и не без ошибок, гигантская дуга из сотен островов, протянувшаяся через северную часть Тихого океана почти на 1800 километров.

В 70-х гг. XVIII в. в этих местах усилилась английская экспансия. Англичане подозрительно отнеслись к «таинственному» предприятию русского правительства и обнаружили повышенный интерес к его засекреченным результатам. Они раздобыли материалы и карты с помощью лейб-медика Екатерины II, шотландца Роджерсона, получившего их с разрешения самой императрицы. Через 10-20 лет вышли в свет 6 изданий материалов «секретной экспедиции» на четырех языках.

Здесь в пору вспомнить инициаторов плавания Степана Глотова на Алеуты. Подтолкнув русское правительство к научному изучению, а затем и освоению островов, купцы выполнили важную миссию. Неудивительно, что их заслуги были отмечены правительством. 11 апреля 1765 г. в Охотске было получено письмо сибирского губернатора Д. И. Чичерина. По указу Екатерины II от 21 сентября 1764 г. тобольскому купцу Илье Снигиреву и вологодскому купцу Ивану Буренину были выданы золотые медали и списаны долги, образовавшиеся от снаряжения бота «Иулиан», на что купцы брали взаимобразно из Большерецкой канцелярии 6000 руб. Эта сумма записана в расходы экспедиции П. Креницына<sup>11</sup>.